

ИСПОВЕДАЛЬНЫЙ ДИСКУРС КОНЦА XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗОВ Н. ТОЛСТОЙ И Т. ТОЛСТОЙ)

IRINA V. RAKOVA

CONFESSIONAL DISCOURSE OF THE END OF THE 20th CENTURY:
ON THE EXAMPLE OF THE STORIES OF NATALIA TOLSTAIA AND TATIANA TOLSTAIA)

Исповедальный жанр/дискурс занимает в русской литературе значительное место, не изменяя своей сущности, но подвергаясь временным изменениям. Сопоставление произведений в этом жанре, относящихся к XIX и XX векам представляет интерес в аспекте выявления стабильных жанровых черт и тех изменений, которые являются следствием временных трансформаций. В статье предпринята попытка рассмотреть композиционно-речевую структуру исповедального дискурса XX века с вниманием к её иллокутивным компонентам в сопоставлении с исповедальным текстом XIX века. В ходе исследования удалось установить устойчивость композиционно-речевой структуры литературных исповедей 90-х годов XX века и XIX века, базирующуюся на присутствии в тех и других текстах комплексов информативного и эмоционального характера, состоящих в отношениях «стимул – реакция» и реализующих «модус говорения и субъективно-оценочный модус». В рамках информативных коммуникативных блоков, наряду с собственно-информативными, включающими информацию о прошлом и настоящем повествователя, в текстах, например, Л. Н. Толстого выделяются ментально-психологические, манифестирующие поток сознания повествователя в прошлом, отсутствующие в современных текстах. Обладая такими чертами, как «синсемантическая», «оценочность» и «обобщённость», эмоциональные комплексы по типу коммуникативной интенции позволили выделить эмоционально-комментирующие (эмоциональная реакция на фактуальную информацию) и утверждающе-констатирующие (оценка — констатация). Эмоциональные комплексы в современной исповеди проявляют также тенденцию к генерализации суждения, которая представляла собой один из дифференциальных признаков соответствующих образований в исповеди XIX века. При этом наблюдается усложнение речевого поведения говорящего в связи с расширением знаний адресанта, повышением его способности к абстрагированию и дистанцированию от сообщаемого. Кроме этого, в современной исповеди появляются повествовательные ряды, отличающиеся ассоциативностью и ориентацией на социокультурную компетенцию современного воспринимающего.

Ключевые слова: говорящий; реципиент; исповедальный дискурс; композиционно-речевая структура; иллокутивный компонент; речевое поведение.

The confessional genre/discourse occupies a significant place in Russian literature, without changing its essence, but undergoing temporary changes. The comparison of works in this genre related to the 19th and 20th centuries is of interest in the aspect of identifying stable genre features and those changes that are the result of temporary transformations. The article attempts to consider the compositional-speech structure of the confessional discourse of the 20th century with attention to its illocutionary components in comparison with the confessional text of the 19th century. In the course of the study, it was possible to establish the stability of the compositional-speech structure of literary confessions of the 90s of the 20th century and the 19th century, based on the presence in those and other texts of complexes of an informative and emotional nature, consisting in the “stimulus-reaction” relationship and realizing the “modus of speaking and subjective-evaluative mode». Within

**Ирина Владимировна
Ракова**

Кандидат филологических наук, доцент

► irina_rakova@mail.ru

Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого
195251, Россия, Санкт-Петербург,
Политехническая улица, 29

Irina V. Rakova

Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University
29 Polytechnicheskaya ul., St. Petersburg,
Russia, 195251

the framework of informative communicative blocks, along with self-informative ones, including information about the past and present of the narrator, in texts, for example, L. N. Tolstoy, mental-psychological ones are distinguished, manifesting the stream of consciousness of the narrator in the past, which are absent in modern texts. Possessing such features as “synsemanticity”, “evaluation” and “generalization”, emotional complexes according to the type of communicative intention made it possible to distinguish emotional-commenting (emotional reaction to factual information) and affirmative-stating (evaluation-stating). Emotional complexes in modern confession also show a tendency towards generalization of judgment, which was one of the differential signs of the corresponding formations in confession of the 19th century. At the same time, there is a complication of the speaker's speech behavior due to the expansion of the addressee's knowledge, an increase in his ability to abstract and distance himself from what is being reported. In addition, narrative series appear in modern confession, differing in associativity and orientation to the socio-cultural competence of the modern perceiver.

Keywords: speaker; recipient; confessional discourse; compositional-speech structure; illocutionary component; speech behavior.

С конца XX века в литературном процессе наблюдается возобновление интереса к теме памяти/воспоминаний — актуализируется исповедальный жанр, широко распространённый в литературе XIX века. Одной из ведущих черт жанра, на которую прежде всего указывают исследователи, является биографичность. Но отличие от автобиографии, сосредоточенной на событийной стороне жизни персонажа, состоит в описании его внутреннего мира, его формирования, влияния на поступки. Появление этой линии повествования характеризует текст от начала до конца, оставаясь признаком жанра, сохраняющимся до наших дней. В содержание входит «оценка поступков своих и чужих, поиски истины в абсолютном, а не сиюминутном измерении» [Протестант 2011].

Вероятно, это не случайно: остающиеся в памяти события ушедшего века, их влияние на судьбы обычных людей, вписывающихся в историю страны, требуют своего художественного осмысления, анализа и интерпретации. При этом вызывает интерес композиционно-речевая структура исповедального текста: меняется ли набор иллокутивных компонентов¹ по сравнению с текстом-исповедью XIX века, жанрообразующим признаком которого **на композиционно-речевом уровне** являлась активизация таких иллокутивных компонентов, как **информативный, эмоционально-оценочный**

и фатический в качестве реализаторов основных коммуникативных интенций субъекта исповеди (см. подробнее Ракова 2003).

Для ответа на поставленный вопрос обратимся к рассказам Татьяны Толстой «Самая любимая» и «Женский день» и Натальи Толстой «Быть как все», «Вид из окна» и «Свекровь».²

Сразу же оговоримся, что данные исповедальные тексты не являются однородными по реализованной в них форме повествования: часть из них представляет перволичную форму повествования, а часть — повествование от третьего лица. Основным критерием в выборе текстов стало наличие «исповеднического автобиографизма» [Большев 2002], когда автор «как бы теряет контроль над текстом» [Медарич 1998: 10] возникает эффект «прикосновения к болевым точкам» [Большев 2002: 4], что свидетельствует о безусловно эмоциональном отношении к лично пережитому. В данных текстах «не тема, не материал, не сюжет, которого иной раз и нет вовсе, создают их смысловое пространство, а отдельный человек, его жизнь, взятая на каком-то отрезке, жизнь как таковая, событие жизни» [Сурат 2014: 189].

Все исследуемые тексты выдержаны в **нарративном режиме с прошедшим нарративным временем в качестве базового**. Говорящий повествует о событиях, произошедших в прошлом. Однако композиционная организация текстов не может определяться абсолютной гомогенностью.

В текстах выделяются фрагменты, характеризующие **модусом воспоминания**. При этом происходит переход от прошедшего времени к настоящему дескриптивному:

Давным-давно <...> на земле стояло детство, ветры молчали, <...> была жива Женечка. Первым дачным утром сырая веранда плавает в подводном зелёном полумраке. Дверь на крыльцо распахнута, из сада тянет холодком. (Толстая Т. Самая любимая: 138); Женечка раскрывала коробку, где бок о бок покоились важные монархические пирожные <...>. Пока пирожные не съедены, мне с Женечкой интересно, а потом — уввы — скучно. Подробно рассказывает она о своём здоровье <...>. (Толстая 2000: 145); У нас дома восьмое марта презирали: считали государственным праздником. <...> Чёрная школьная зима <...> кабинет завуча, мимо которого про-

ходишь, холодея: а вдруг выскочит и завопит <...>. (Толстая 2000: 281).

Возникает ощущение, что перед нами **повествователь — наблюдатель**, существующий в прошлом как в своём настоящем и воспринимающий его как своё настоящее. Но при детальном рассмотрении данных фрагментов обнаруживается «большее знание» повествователя: его сознание – это сознание его нынешнего, «взрослого», обратившегося к своему прошлому. На «большее знание» указывает употребление форм будущего времени на фоне настоящего дескриптивного, которое предполагает знание повествующим последующих событий:

Скоро за воротами дач загудят машины, из машин посыплются дачники <...>. А одна из машин введет прямо в ворота, и из распахнувшейся дверцы покажется сначала крепкая пожилая рука с палкой-посохом, затем нога в высоком <...> ботинке. (Толстая 2000: 138–139); *И трамвай понесётся мимо пустырей, сугробов, мимо низких кирпичных фабрик.* (Толстая 2000: 147); *На праздники уроков меньше, но домой не отпустят <...> И тут они обязательно унижат и отомстят.* (Толстая 2000: 282).

Значение итеративности, кратности, вводимое имперфективными формами глаголов настоящего времени, указывает на многократный характер пережитых впечатлений и накопленного опыта, подтверждая факт «большого знания».

Иными репрезентантами взрослого субъекта повествования, вспоминаящего детство, становятся обобщённо-личные предложения, демонстрирующие субъектную обобщённость в высказываниях (генерализацию суждений), которая — необходимо отметить — отсутствовала в событийном нарративе в текстах-исповедях XIX века. В свою очередь, появление генерализации суждений указывает на относительную дистанцированность говорящего от сообщаемого, его абстрагированность от событийного времени и места. Как отмечает Г. А. Золотова: «В генеритивных суждениях нейтрализуется позиция повествования/описания: усиление абстрагированности от конкретного времени ослабляет активность действия» [Золотова 1998: 30].

Стоишь вечером у окна над пустеющей улицей и смотришь, как тихо, исподволь зажигаются дуго-

вые фонари. (Толстая 2000: 137); *Зачернишь глубокой холодной тишины, замеревшей глади, посидишь на поваленном дереве.* (Толстая 2000: 138); *Чёрная школьная зима, <...> кабинет завуча, мимо которого проходишь, холодея: а вдруг выскочит и завопит <...>*. (Толстая 2000: 281).

Другим подтверждением абстрагированности повествователя от якобы «наблюдаемого» является наличие в рассматриваемых блоках элемента оценки, вводящего точку зрения взрослого субъекта повествования, а не ребёнка:

И в возвратившейся тишине слышен будет только деревянный гром откинутых бортов, и на вознесённой платформе бесстыдно откроется взгляду чужое имущество. (Толстая 2000: 138–139); *... опять Женечка <...> начнёт размеренным голосом, не торопясь, вырацивать из нас образованных людей, а мы снова, с беспечностью детства, начнём куражиться над ней.* (Толстая 2000: 140).

Что касается элемента оценки широко представленного в блоках событийного нарратива в исследуемых текстах, то его появление в отличие от генерализации суждений сближает их с текстами-исповедями XIX века, в которых момент оценки также присутствовал в информативных блоках.

Итак, наряду с комплексами собственно информативного типа в исследуемых текстах присутствуют блоки, обусловленные модусом воспоминания, в рамках которого возникает «модус эмоциональной реакции» [Алисова 1970].

Данная ситуация сближает современную литературную исповедь с текстом-исповедью Л. Н. Толстого «Записки сумасшедшего». Однако, в отличие от ментально-психологических комплексов текста Л. Н. Толстого, в рамках информативных коммуникативных блоков, наряду с собственно-информативными, включающими информацию о прошлом и настоящем повествователя, выделяются ментально-психологические, манифестирующие поток сознания повествователя в прошлом. В них присутствует «чистая мысль», в комплексах-воспоминаниях современной исповедальной прозы перед нами фактуальная информация, отображённая в сознании. К тому же в «Записках сумасшедшего» наблюдается represented consciousness, для которого характерен аналепсис,

в то время как в современной исповеди перед нами сознание настоящего говорящего, просматривающего своё прошлое как фотографии.

Помимо комплексов информативного типа, презентующих фактуальную информацию или информацию «первого рода», в текстах Натальи и Татьяны Толстых обнаруживаются блоки, вводящие **информацию «второго рода»**, основной функцией которой является «передача отношения к ситуации» [Арнольд 1990]:

... я бродила в одиночестве и думала: тут не уютно, да и наскальным учёным я не нужна. [[Когда тебе двадцать семь лет, то ты просыпаешься в недоумении, а засыпаешь в тоске: почему меня замуж не берут?]]³ (Толстая 2002: 184);

Женечка приступала к раздаче подарков: взрослым — полезные, содержательные книги <...> нам — крошечные флакончики с духами, а то вдруг чудом сохранившиеся дореволюционные пустяки вроде статуэток, матерчатых брошек, старинных чашек с отбитыми ручками. [[Удивительно, как просочились все эти <...> вещички сквозь годы. Впрочем, мясорубка времени охотно сокрушает крупные, громоздкие, плотные предметы — шкафы, рояли, людей, — а всякая хрупкая мелочь <...> проходит через неё нетронутыми]] (Толстая 2000: 144).

Как мы видим, рассматриваемые комплексы представляют собой реакцию на предшествующее сообщение, являющееся для них стимулом. Иными словами, данные речевые блоки обладают такой чертой, как **синсемантичность**, зависимость от объективной (фактуальной) информации. Другим признаком исследуемых комплексов является тип модальности, которую можно определить как **эмотивная**.

Аналогичная ситуация характеризует литературную исповедь XIX века, и так же как и там, эмоциональные комплексы в современной исповеди демонстрируют **тенденцию к генерализации суждения**, которая представляла собой один из дифференциальных признаков соответствующих образований в исповеди XIX века.

В современной литературной исповеди данной чертой, как отмечалось, обладают и информативные блоки, однако, в эмоциональных блоках степень генерализации увеличивается. Индивидуальный опыт повествователя подаётся как общий для

воспринимающего речь и для любого на его месте. Обобщённо-личный план данных высказываний выражается с помощью лексико-синтаксических средств:

- имперфектные формы глаголов («сокрушает», «проходят», «засыпает», «останавливаются», «зябнет»);

- обобщённо-личные предложения, в которых «повествователь побуждает своего читателя представить себя участником описываемой ситуации».

Следующим признаком, характеризующим эмоциональные комплексы, является **оценочность** речи повествователя.

Лексическими манифестантами оценки можно считать общеоценочную лексику:

Впрочем, мясорубка времени охотно сокрушает крупные, громоздкие, плотные предметы <...> а всякая хрупкая мелочь <...> все фарфоровые собачки, чашечки <...> проходят через неё нетронутыми. (Толстая 2000: 144).

При исследовании эмоциональных блоков обращает на себя внимание то, что обладая такими чертами, как «обобщённость», «оценочность», «синсемантичность», эмоциональные комплексы не являются гомогенными образованиями. По типу коммуникативной интенции можно выделить **эмоционально-комментирующие** (коммуникативная интенция сводится к представлению эмоциональной реакции, отношения к фактуальной информации) и **утверждающе-констатирующие** (коммуникативная интенция — констатация тех или иных общих положений). Рассмотрим несколько примеров:

эмоционально-комментирующие комплексы

... Я бродила в одиночестве и думала: тут не уютно, да и наскальным учёным я не нужна. [[Когда тебе двадцать семь лет, то ты просыпаешься в недоумении, а засыпаешь в тоске.]] (Толстая 2002: 184)

утверждающе-констатирующие комплексы

Старый человек — как ноябрьская яблоня: всё в нём засыпает. (Толстая 2000: 156)

Государственное — значит принудительно-фальшивое с дудением в духовые инструменты, хождением строем, массовым заполнением карточек. (Толстая 2000: 281)

Помимо характера коммуникативной интенции данные варианты различаются степенью обобщённо-

сти. В утверждающе-констатирующих высказываниях наблюдается максимализация генерализации.

Все текстовые реализации указанного речевого подтипа представляют собой умозаключения обобщённого характера и строятся по принципу логических заключений «S есть P».

Старый человек — как ноябрьская яблоня. (Толстая 2000: 156)

Государственное — это школа. (Толстая 2000: 281)

Для них типичны фразы с предикатами в форме настоящего постоянного, дискриптивными обобщённого расширенного характера (всякий), существительные с обобщённым значением (человек, создание, люди, вещи, мелочь).

Данные лексико-семантические приметы универсальности в утверждающе-констатирующих комплексах часто совмещаются, в силу чего повышается эффект обобщённости: акцентируется всеобщность ощущений и состояний.

С абсолютизацией генеритивности связан и другой дифференциальный признак, разводящий исследуемые подварианты эмоционального комплекса: их ситуативная обусловленность/необусловленность.

Эмоционально-комментирующие блоки, являясь реактивными суждениями на предшествующий стимул, вне конкретной речевой ситуации оказываются не прагматичными.

Утверждающе-констатирующие, напротив, отличаются бесконтекстным способом существования. Они организуются по принципу максимумов, являющихся «особым способом фиксации наблюдения, имеющим ту особенность, что в них полностью скрыта первооснова — конкретное обстоятельство, событие или эпизод» [Радзиевская 1988: 93].

Итак, в рамках эмоционального комплекса выделяются два подтипа: **эмоционально-комментирующие и утверждающе-констатирующие, различающиеся типом коммуникативной интенции, степенью обобщённости и контекстуальной обусловленностью/необусловленностью.**

Идентичная ситуация имела место в литературной исповеди Ф. М. Достоевского «Записки из подполья», что также указывает на сходство современного исповедального дискурса и исповеди XIX века.

Кроме этого, о композиционно-речевой стереотипности литературной исповеди 90-х годов XX века и XIX века, как мы смогли увидеть, свидетельствует факт выделения и в тех, и в других текстах комплексов информативного и эмоционального характера, находящихся в отношении «стимул – реакция» и реализующих «модус говорения и субъективно-оценочный модус» [Алисова 1970]).

Текстовыми параметрами при выделении и идентификации указанных комплексов как литературной исповеди XIX века, так и современной, служат одни и те же категории:

- коммуникативная цель
- тип диктумного содержания
- степень генеритивности информации
- модальность
- оценочность речи

Отличительным моментом является отсутствие в литературной исповеди 90-х годов XX века фатического блока, выступающего в качестве третьего структурного компонента исповедального дискурса XIX века. Тем не менее, фактор адресата в современной литературной исповеди присутствует, хотя и имплицитно.

Прежде всего, ориентированность речи на реципиента проявляется посредством уже не раз упоминаемой генерализации суждений, возникающей как в информативных, так и в эмоциональных комплексах.

Обобщая свой личный опыт, презентуя его как всеобщий, субъект повествования вводит в текст точку зрения адресата.

Об адресованности речи повествователя также говорит употребление **второго адресатного** (в терминологии Е. В. Падучевой):

Когда тебе двадцать семь лет, то ты просыпаешься в недоумении, а засыпаешь в тоске. (Толстая 2002: 184).

Однако, наиболее значимым моментом с точки зрения экспликации адресованности речи повествователя в современной литературной исповеди в силу его отсутствия в исповеди XIX века становится манера повествования, отличающаяся ассоциативностью и ориентацией **на социокультурную компетенцию воспринимающего.**

За каждым словом, обозначающим тот или иной факт из жизни говорящего, стоит целый ряд знаний и ассоциаций, связанных с определённым временным периодом (60–70-е годы прошлого века) в жизни советского человека. При этом в качестве более значимых выступают коннотативные значения слов, а также экстралингвистическая информация, связанная с ними. Значимо в данном случае то, что они не эксплицированы в тексте: их должно вычленить сознание реципиента. Денотативное же значение становится лишь знаком, отсылкой к коннотативному, вследствие чего содержательная сторона текста превращается в фон.

Следовательно, чтобы вскрыть смысл высказываний, а не их значение, эксплицировать ассоциативные и коннотативные связи, необходим особый тип сознания, сознания, владеющего знанием об описываемой действительности, знанием, тождественным знанию субъекта поведения.

Примером отсылки к общности знания являются неоднократно встречаемые в текстах указательные местоимения «тот», «та», «то», «такая».

Мне было семнадцать лет, и мы жили на даче. В то лето все играли в бадминтон, с утра до вечера. (Толстая 2002: 73)

Сосед Серёжа поступал в то лето в театральный институт. Все понимали, что с его фамилией в институт не поступить. Он и не пошёл. (Толстая 2002: 73)

В данном примере местоимение «его» используется в значении «такая» фамилия, определённая фамилия, а именно — еврейская, которая в контексте 60-70-х годов воспринималась как «нежелательная».

К тому же в данных фрагментах возникает «устойчивое Мы, в котором субъект речи объединяет себя со всеми живущими» [Сурат 2014: 189].

Другим примером «общего» знания можно считать «высказывания — посылки», за которыми не следует объяснение или продолжение мысли.

В семидесятые годы любили физиков. (Толстая 2002: 184)

Наташа рано догадалась, что она виновата. Виновата, что на дом приходит учительница музыки и учительница английского. Что бабушка

на такси возит в ТюЗ, а после спектакля старенький режиссёр поит их чаем в своём кабинете. Что гости родителей не похожи на людей в очереди. (Толстая 2002: 12)

Таким образом, текст современной исповеди оказывается обращённым к реципиенту, может быть, даже в большей степени, нежели текст литературной исповеди века XIX, поскольку его ориентированность на адресата не столько структурно-композиционная, сколько содержательная: без сознания реципиента текст современной литературной исповеди перестаёт существовать как смысловое пространство.

Итак, рассмотрев композиционно-речевую структуру исповедального текста конца XX века в сопоставлении с исповедальным текстом XIX века, мы можем констатировать сохранение во времени основных иллокутивных компонентов литературной исповеди, что, в свою очередь, свидетельствует о неизменности жанровых форм в сознании говорящего и его речевого поведения в исповедальном дискурсе, несмотря на изменение социального и исторического контекста.

Воспоминания, ориентированные на реципиента и проходящие через призму его собственного опыта, становятся вневременным способом понимания жизни не только автором, но и читателем, и в этом их необходимость и востребованность.

В исповедальных текстах мы «вместе с героем-автором обдумываем вечные вопросы бытия. Разглядываем жизнь разных людей, и близких, и чужих (чаще последних, и это не случайно), — чтобы, оставив их в стороне, выяснить что-то важное для себя» [Брызгалова 2019].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В использовании понятия «иллокутивный компонент» мы следуем за А. Вежицкой, но выходим за рамки предложения, рассматривая в качестве выразителя элементарного ментального акта речевой блок, обладающий единством коммуникативного замысла

² Примеры из данных текстов приводятся по изданиям: Толстая Н.Н., Толстая Т.Н. Двое: Разное. М., 2002. (для рассказов Н.Н.Толстой) и Толстая Т.Н. Река Оккервиль. М., 2000; при цитации в скобках приводится название рассказа и страница указанного издания.

³ || обозначает границы рассматриваемых блоков.

ИСТОЧНИКИ

Протестант 2011 — URL <http://www.gazetaprotestant.ru/2011/07/ispoved-kak-literaturnyj-zhanr-chast-1/>

Толстая 2002 — Толстая Н. Н., Толстая Т. Н. Двое: Разное. М.: Подкова, 2002.

Толстая 2000 — Толстая Т. Н. Река Оккервиль. М.: Подкова; ЭКСМО-пресс, 2000.

ЛИТЕРАТУРА

Алисова 1970 — Алисова Т. Б. Дополнительные отношения модуса и диктума. *Вопросы языкознания*. 1970, (1): 54–64.

Арнольд 1990 — Арнольд И. В. *Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования)*. М.: Просвещение, 1990. 300 с.

Большев 2002 — Большеv А. О. *Исповедально-автобиографическое начало в русской прозе второй половины XIX века*. СПб., 2002. 170 с.

Золотова 1998 — Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю., *Коммуникативная грамматика русского языка*. М., 1998. 524 с.

Медарич 1998 — Медарич М. Автобиография / Автобиография. В сб. *Автоинтерпретация*. А. Б. Муратов и Л. А. Иезуитов (ред.). СПб., 1998. С. 5–32.

Радзиевская 1998 — Радзиевская Т. В. Прагматический аспект афористических текстов. *Известия АН СССР. Серия Литература и языкознание*. 1988, (47(1)): 89–98.

Ракова 2003 — Ракова И. В. *Речевые черты жанра литературной исповеди второй половины XIX века*. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. СПб., 2003. 24 с.

Сурат 2014 — Сурат И. З. Иногда любовь: новая проза Татьяны Толстой. *Знамя*. 2014, (8): 188–201.

SOURCES

Толстая 2002 — Tolstaia N. N., Tolstaia T. N. Two: Different. Moscow: Podkova Publ., 2002.

Толстая 2000 — Tolstaia T. N. Okkervill river. Moscow: Podkova Publ.; Eksmo-press, 2000.

REFERENCES:

Алисова 1970 — Alisova T. B. Additional relations of mode and dictum. *Voprosy iazykoznaniiia*. 1970, (1): 54–64. (In Russian)

Арнольд 1990 — Arnol'd I. V. *Stylistics of modern English: the stylistics of decoding*. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1990. 300 p. (In Russian)

Большев 2002 — Bolshev A. O. *Confessional and autobiographical beginning in Russian prose of the second half of the XIX century*. St. Petersburg, 2002. 170 p. (In Russian)

Золотова 1998 — Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Ju., *Communicative grammar of the Russian language*. Moscow, 1998. 524 p. (In Russian)

Медарич 1998 — Medarich M. *Autobiography / Autobiography*. In: *Avtointerpretatsiia*. Muratov A. B., Iezuitova L. A. (eds.). St. Petersburg, 1998. P. 5–32. (In Russian)

Радзиевская 1998 — Radzievskaiia T. V. The pragmatic aspect of aphoristic texts. *Izvestiia AN SSSR. Seriiia Literatura i iazykoznanie*. 1988, (47 (1)): 89–98. (In Russian)

Ракова 2003 — Rakova I. V. *Speech features of the genre of literary confession of the second half of the XIX century*. Dis. abstract ... PhD in Philology. St. Petersburg, 2003. 24 p. (In Russian)

Сурат 2014 — Surat I. Z. Sometimes love: a new prose by Tatiana Tolstoy. *Znamia*. 2014, (8): 188–201. (In Russian)

[хроника]

Образовательно-просветительская акция «Русский диктант для соотечественников»

6 июня 2022 года, в День русского языка и день рождения А. С. Пушкина, в Институте русского языка Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова прошла образовательно-просветительская акция «Русский диктант для соотечественников». Участникам — а ими оказались не только соотечественники, но и те, кто изучает русский язык за рубежом — было предложено в онлайн-формате написать под диктовку небольшой фрагмент одного из романов современного российского писателя Дм. Новикова. Затем написанный текст нужно было сфотографировать и переслать на проверку организаторам акции. После этого можно было увидеть текст на экране и прослушать полный орфографический и пунктуационный комментарий к нему. Желающих проверить свои знания грамотной русской речи оказалось более 400 человек. На связь вышли и писали

русский диктант в Азербайджане, Аргентине, Армении, Германии, Ливане, Молдавии, Приднестровской Молдавской Республике, Таджикистане, Узбекистане, России. В Берлине проверить себя вызвались школьники — для них был подготовлен более простой и короткий текст. Всех участников ждут сертификаты, а получившие отличные оценки будут награждены грамотами. Информационную и организационную поддержку инициаторам акции оказало «Россотрудничество» и лично его руководитель Е. А. Примаков. «Русский диктант» — международная акция, ставшая уже традицией благодаря инициативе Института русского языка НГЛУ (проводится с 2018 года). Акция не имеет политического характера: диктант пишут те, кто неравнодушен к русскому языку, кому не безразлична русская культура, для кого важно чувствовать себя причастным к русскому миру.